

Вадим
Сатурин

Диалоги с
Незнакомкой

Вадим Сатурин

Диалоги с Незнакомкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21199897

ISBN 9785448316548

Аннотация

Что чувствует тот, кто покидает родной дом навсегда? Что ощущает та, которая устала любить? Мужчина & Женщина, коварство любви, ночь, вино, осень и одиночество – это главные темы произведения «Диалоги с Незнакомкой».

Диалоги с Незнакомкой

Вадим Сатурин

*на перроне печальных лиц,
где разлука бродит повсеместно,
а на клочках исписанных страниц,
надпись: «Прости.
Люблю тебя, честно!»,
я вкопанной замер куклой,
обжег сигаретами пальцы,
и луна светила мне тускло,
и танцевали прощальные вальсы.*

© Вадим Сатурин, 2016

© Тимофей Кустов, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-1654-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вот мы – люди...

То закрываемся в себе, то говорим без умолку... то нам хочется свободы, то ее становится слишком много. Бывает, каждого из нас что-то неведомое роняет наземь и мы не можем сдвинуться с места, но уже миг спустя складываются фатальные ситуации, которые заставляют «поджечь» свой собственный дом и нестись без усталости и слома головы в неизвестность. Мы работаем, делаем отчеты, развлекаемся, пьем, курим, занимаемся любовью, дышим, моргаем, ви-

дим сны, мечтаем и переживаем... переживаем... переживаем, все это время невольно строя планы на будущее, совершенно не предполагая каким же оно будет. А стоит ли нам его знать?

Порой мы рассказываем совершенно незнакомому человеку намного больше, чем знают о нас самые близкие люди. Наверное, тем самым мы ограждаем их от излишней информации, наверное, бережем через ложь и обман их сердца. Да, мы делимся новостями, говорим о прошлом и настоящем, находя в незнакомцах ответы на извечные вопросы, а их у нас – людей, – как известно, не мало. Пожалуй, мы просто находим себя в других. Но это слишком просто – вот так взять и согласиться, даже не задумавшись, почему мы устраиваем этот самый, требуемый сердцем, поиск. Нам нужна поддержка? Мы связаны одной ситуацией? Или мы любознательные простаки? Может, вдумчивые сумасшедшие?

Я прекрасно помню тот странный майский вечер разбушевавшейся весны, в котором можно было согреться только горячим глинтвейном или крепким чаем, аромат которого доносился с ветром из каждого вагона поезда. Жаль, что все-таки глинтвейн не подают в поездах...

Я сидел в купе в полном одиночестве. Уже разложив свои вещи, ждал согревающий напиток и смотрел на то, как по окну бегут струйки воды, гоняясь друг с другом и смывая мою прошлую жизнь. Люди на перроне метались из стороны в сторону. Мужчины держали свои фетровые шляпы, ко-

торые срывал с их голов ветер; женщины закрывали свои тонкие птичьи шеи платками, дрожали от холода и едва ли не падали с высоких каблуков. Отяжелелая и мокрая от дождя одежда доставляла им неистовый дискомфорт, отчего все друг с другом ругались, нецензурно бранились и толкались на узких входах в вагоны. XX век терпел крах!

– Ваш чай, пожалуйста! – предварительно постучав, сказала зашедшая в купе проводница осипшим голосом. – Кхм, два сахара, как заказывали, – прокашлявшись сказала она, достав из аккуратно свернутой салфетки пару кубиков рафинада. Я немного ухмыльнулся ее красному, слегка шелушившемуся носу – верному признаку всякого простывшего человека. – К сожалению, тростникового у нас нет. Только обычный... кхм... кхм (громче) ... или мед на выбор. Простите, кашель!

– Спасибо. Обычный тоже подойдет, – ответил я. – Скоро отправляемся?

– Видите какая сегодня непогода?.. Кхм-кхм, узнаем у диспетчера о ситуации на маршруте. Думаю, что... кхм, через 10—15 минут уже тронемся с места. Вы простите, что так долго несла вам чай. Я уже третьи сутки температуру, а заменить меня некем. Поезда сейчас ходят очень часто. Задействованы все смены. В основном люди едут в одном направлении и без обратного билета. Такие времена настали. Все бегут из страны, бросая пожитки и беря с собой только ценные вещи.

– Наверное, даже не успеваете как следует выспаться?

– Что вы, что вы! Какой тут выспаться?! – удивилась она. – Весь персонал работает в две смены, спим... ах, где и когда придется. Эх!.. Погода-погода, события-события!

– Мда, погодка сегодня скверная... нетипичная... другая!.. И дождь другой! – киваю, соглашаясь я. – Не помню, чтобы за последние десять лет я видел такой долгий и сильный дождь. Но он как-никак под стать всему. Сами виноваты!

– Все сейчас стало по-другому. Кхм... апчи... Простите! Кхм, пусть лучше весь огонь, весь мир зальет дождем, чем слезами! – сказала мне женщина напоследок и покинула купе.

Я взял стакан не за ручку, а двумя руками, сжав его пальцами со всех сторон. Тепло... Тепло, которого так сильно не хватает уже несколько лет, с тех пор, как началось настоящее безумие и все видоизменилось, приобрело новые оттенки. Еще несколько лет назад казалось, что этого не может произойти, что все вокруг выглядит одним большим спектаклем, в котором нет зрителей, а актеры полны самодурства, пафоса и фарса. Увы, этот театр захватил всю страну. Мы стали марионетками, которыми искусно манипулирует целая труппа кукловодов, подогретая общей идеей – общим вирусом, проникшим в их мозг и уже отравляющий наш. Вы поймете, о чем я говорю, но немного позже...

Задумавшись, я не заметил, как горячо стало моим рукам

и, резко отпустив стакан, я нелепо разлил чай по столу. Схватился за мочки ушей. Обжег пальцы!

– Черт! – выругался я, взглянув в окно, где, то обходя, то перепрыгивая лужи, мчалась к поезду с двумя большими черными сумками женщина. Подол платья был весь мокрым, а жалкие попытки перепрыгнуть огромные реки, разлитые стихией по перрону, приводили к тому, что она не допрыгивала до сухого асфальта и с брызгами приземлялась двумя ногами в самое глубокое место лужи. Дежурный по станции, укутанный в водонепроницаемый военный плащ, смоля на всю округу, поспешил ей помочь. Остановившись, она что-то грозно крикнула ему в лицо, видимо отказавшись от помощи, и вскоре исчезла из поля моего зрения.

Мда, ураган сегодня на редкость мерзкий. Май совсем ни к черту. В поезде только те, кто навсегда покидает свой дом и страну. Мы в скором времени станем ей чужими. Интересно, обретем ли мы новую Родину? Дом – да, Отечество – никогда.

Дверь резко распахнулась.

– Твою же мать, гадство-гадство... Какое же безумие вокруг, черт побери! Лужи-лужи... вокруг одни лужи, будь они прокляты! Я не узнаю собственного города!!! – появилась в дверях она, до ужаса мокрая, чихающая, с тяжелым багажом и злым видом, от которого на моем лице появилась ироническая усмешка. Что может быть смешней и опасней, чем промокшая под дождем женщина, у которой рассыпалась

старательно приготовленная ранним утром укладка и смылся макияж? Не знаю! Наверное, только война, причем мировая! – Еще и мужчину подсадили в двухместное купе, да за такие-то деньги. Просто замечательно! Кошмар! И это все мне, заплатившей за два места?! – сбросив накидку с плеч, вновь выругалась незнакомка, оставшись в элегантном, модном, но намокшем платье, которое, облепив тело, позволило мне разглядеть все прелести ее утонченной фигуры.

Не спрашивая разрешения, я поставил ее вещи сушиться в дальний угол, сел напротив и спросил:

– Нам с вами ехать целую ночь, так, может быть, не будем ворчать, закажем чай или кофе, так как свой я, задумавшись о предстоящей дороге и новой жизни, уже успел разлить по столу? Не советую прикасаться! На улице вода холодная, а тут горячая и липкая! – предупредил я. – Стол еще липкий от сахара, – вновь предостерег ее я. – Тряпки под рукой нет, а салфетки едва ли впитывают. Не знаю, из чего их стали делать, но прибраться ими невозможно! Сделаны словно из воска! Воду они только отталкивают!

– Ладно, хоть успею высохнуть и что-нибудь выпить! В дождь только пить! – сказала она, косо посмотрев на меня. Ответ мне был не нужен. Я знал, что она будет не против и скоро ее настроение изменится, как и у меня – человека, в 40 с лишним лет покидающего родной дом, оставляющего свою газету, коллектив и куда-то бегущего в неизвестность.

Пожалуй, я рад только тому, что не успел обзавестись се-

мьей из-за большой загруженности на работе и могу спокойно «холостым патроном» сорваться с места, собрав самое необходимое: фотографии, документы, вещи на первое время, отцовский военный компас с генеральской гравировкой, деньги, любимые запонки и... и воспоминания, которые весят намного больше чемоданов этой женщины, продолжающей сетовать на косой дождь.

– Все же я закажу чай! – прервал ее ворчание я.

– Раз уж пошли, то извольте мне принести кофе! И без сахара, пожалуйста! Терпеть не могу пить кофе с сахаром и сливками. Мне кажется, что в этой сладости теряется вся философия черного напитка. Увы, меня мало кто понимает в этом! Наверное, поэтому я не очень-то и компанейский человек. Все больше в моде латте, мокачины-капучины и прочие сладкие баланды! Ванна с пеной, а не терпкий кофе! – стрельнув глазами в мою сторону, изъяснилась женщина. Я не особо-то обратил внимания на ее приказную интонацию, обрадовавшись тому, что поезд наконец-то тронулся, а на перроне, кроме работников станции, не осталось никого. Да, таких как нас, пожалуй, никто не будет слезно провожать, махая платками, тем более, в шторм сдуревшей весны.

– Подождите-подождите, – одернула меня она, когда я подкуривал бензиновой зажигалкой сырые папиросы. – Я тоже была бы не прочь перекурить, ведь вам не сложно будет угостить меня сигареткой?!

Я открыл портсигар подаренный моим другом. Если мне

не изменяет память, он купил его в Австрии, куда был отправлен корреспондентом во время Аншлюса год назад. Мы закурили.

– Надеюсь, вы не будете сегодня всю ночь говорить о политике и мировых событиях? Мне и без вас понятно, куда мы катимся! Поэтому давайте не будем...

– Конечно, нет! Весь наш поезд, каждый вагон: первый, второй, пятый, девятый – все люди в них понимают, почему мы бежим. Мы понимаем, почему уходим, а те, кто остался на перроне – почему остаются. Мы не понимаем их, они – нас. Вот и все, что тут можно обсудить! – ответил ей я. – Убегая из страны, кто-то покидает свою семью, кто-то оставляет в прошлом свой дом, в котором пару дней назад сделал ремонт, а кто-то – светлые чувства, которые нашел совсем недавно или едва успел реанимировать. Скажите, а почему вы решили, что я стану об этом говорить? Вы умеете читать людей?

– Совсем нет. Просто, о чем может разговаривать мужчина в элегантной рубашке с дорогими запонками, интересным узлом на галстук и в лакированных туфлях, покрытых воском?! Разве что о деньгах, политике, недвижимости, мужской моде и сортах сигар.

Я улыбнулся, зная, что незнакомка в корне не права и мне всегда были чужды беседы на светские темы, как и большинству из моего малого близкого окружения.

Фрау посмотрела на меня.

– Не спрашивайте моего имени! Прошу... пожалуйста! Давайте останемся незнакомцами. У нас всего лишь ночь и ничего больше, поймите меня правильно. Все ваши ухаживания, мужской шарм и даже замечательная туалетная вода ничего не будут значить. Только ночь и все...

– К чему вы клоните? – выпустив дым и стряхнув пепел в маленькую пепельницу, которую всегда носил с собой, задал вопрос я. – Я ничего не имел в виду. Не я выбирал это купе и был совершенно не осведомлен, что мне предстоит ехать с вами. Но не сделать комплимент я не могу. Вы, признаться, очень красивая женщина, и мне кажется, от дождя вы еще прекрасней и милей!

– Спасибо, – скромно улыбнулась она. – Дождь испортил весь макияж, который я старательно наносила с четырех часов утра, а безумный ветер сломал мой зонт, мою прическу, всю мою жизнь!

– Хотели покинуть город и тленное прошлое красивой и свежей как никогда?

– В точку. Гордо, красиво и в приподнятом настроении. Увы, непогода не позволила мне лицемерить и сделала все наоборот. Поэтому я оставляю Берлин промокшей с головы до пят не от слез, как хотелось, а от майской распутицы.

В тот миг, когда мы оба поднесли руку с сигаретой ко рту, то случайно оба посмотрели на безымянный палец. Ни у меня, ни у нее обручальных колец не было. Приняв этот факт, между нами возникла удивительная тишина... Тишина, ко-

торая разрезала пополам звуки поезда. Ту-тут-ту-тут и снова тихо... Ту-тут-ту-тут и еще тише. Мы стояли друг к другу влоботорота, то встречаясь взглядом, то смотря в окно. Вам знакомо это чувство – чувство, когда хочется заговорить, но ты не знаешь о чем, а каждая тема кажется до боли скучной и неинтересной, как ежедневная газета месячной давности, которую вы предлагаете кому-то прочесть?

– Все более хилые постройки... все больше пустоты и деревьев... все быстрее мчится наш поезд Это значит, что мы не вернемся сюда никогда? – оборвала неловкую паузу она.

– Не знаю, – ответил я. – Я знаю только лишь то, что нам срочно нужно выпить кофе, ведь чем меньше в нас остается нашего города, тем сильнее мне хочется ощутить горечь... хочется виски... все больше виски, чем кофе. Грустно и скверно все... Так, говорите, крепкий черный и без пенных ванн в кружке?

На этих словах я ушел делать заказ и искать без того измученных проводниц.

– Кофе? – вновь зашла та же девушка, что и с чаем ранее. – Наш поезд... кхм-кхе, кхम्म, движется очень медленно, поэтому мы прибудем в пункт назначения чуть позже. Будет уже светло!

– Ничего страшного, – улыбнулась моя попутчица. – Мы

отлично общаемся, и кофе сейчас под стать. Спать сегодня не собирается никто... Так скажите, у вас действительно была своя собственная газета, в которую была просто вложена, а не подшита одна страница? – повернувшись ко мне, задала вопрос фрау.

Я засмеялся.

– Да! Это был эксперимент с моим другом и коллегой. Он был журналистом, порой редактором, иногда просто идеологом и генератором идей. Однажды мы сидели в ресторане и думали над тем, что же нужно нашим современным читателям. Им наскучили статьи про психоанализ и политику, про знаменитых личностей и выпускаемые книги под строгим контролем Министра просвещения и пропаганды, – помешивая сахар, рассказывал я, смотря на то, как внимательно слушает меня эта женщина, успевшая переодеться в сухую одежду и даже надеть новые серьги.

Да-да, я всегда замечал такие мелкие детали, которые приоткрывали мне тайны женских сердец, хотя особой популярностью, по своему собственному мнению, из-за своей скромности и застенчивости у них никогда не пользовался. Мне следовало бы хоть раз не начищать до блеска свои туфли и хотя бы раз не надевать галстук, ведь совсем немного неряшливости в мужчине нравится женщинам. Но мои немногочисленные друзья считали совершенно иначе.

Как-то раз я надолго задержался в своей любимой пивной и за вечер побеседовал, пожалуй, с пятнадцатую девушка-

ми и женщинами. Не помню точно сколько их было, но это не осталось незамеченным одним из завсегдатаев заведения, который напивался каждую среду, а в остальные дни пил только зеленый чай и ел много капусты с копчеными колбасками.

– В чем твой успех среди женщин? – спросил он, сев за мой столик и поставив напротив меня бокал пива с аппетитной пенкой. Я был уже немного пьян, поэтому держать язык за зубами было непосильной задачей. – Угощаю! Только расскажи мне, почему они подходят к тебе первыми и не хотят покидать твой столик, даже не смотря на твой угрюмый вид и погруженность в собственные мысли?!

– Я просто научился их слушать, конечно, когда они с возрастом наконец-то научились говорить. Знаешь, мне плевать на вредные привычки и бигуди, если это она и что-то, хотя бы немного, щелкает в моём сердце. Ему я доверяю больше, чем неконтролируемым природным позывам в штанах.

– Так почему ты тогда одинок? Почему из всех женщин, семь из которых были настоящими красотками и модницами, ты никого не выбрал себе на ночь и не с одной не покинул эту дешевую, но уютную пивнушку? – спросил он, отпив сразу треть своего пива так жадно, что на верхней губе остались пенные усы, которые он тут же стёр ладонью.

– Гюнтер, в этом и суть! Я не пользуюсь женщинами, мне просто нравится с ними говорить, нравится следить за ходом их мыслей и... – сделал глоток горького напитка. – В тот

день, когда я не смогу контролировать свои эмоции, когда, после того самого щелчка, о котором я тебе рассказал, моё сердце забьётся сильнее и чаще, то... Я наконец-то пойму, что это она и о ней мне захочется узнать всё и немного больше. Понимаешь?! Ждать, выжидать, среди всего лишнего находить одно единственное нужное и только потом овладевать этим – куда эротичнее, чем легко найденная аппетитная задница в кабаке.

– Ни черта не понимаю. Неужели ты не хотел сегодня ни одну?! Сегодня среда, а ты знаешь, что в этот день я начинаю пить с полудня и до полночи, а потом сутки болею с похмелья. Так проходят мои два выходных. Поэтому в среду у меня повышенное желание поиграть во взрослые игры с какой-нибудь кокеткой. Проститутки уже надоели, а отличать шлюху от порядочной, увы, я так и не научился! Всегда ошибаюсь! В одиннадцати из десяти случаев, ха-ха-ха! – громко засмеялся мой старый знакомый. – Бармен, налей-ка нам еще по пиву и следи за пеной. Ненавижу платить за пену. О чем я говорил?!

– О повышенном... – направил его мысли я, но он тут же перебил меня и затараторил.

– Да-да! В среду мне кажется, что я могу свернуть горы, что я сильный и уверенный в себе человек, что любая и каждая должна ползать у меня в ногах, но... Уже в четверг утром я понимаю, что всё это из-за моих денег, которые я заработал не сам, а просто унаследовал от покойного отца. Это отрав-

ляет моё существование, старина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.